

Содержание

От редактора 5

ПРЕДИСЛОВИЕ 13

ГЛАВА I ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ

1.1. К проблеме формирования монгольских языков в двух ареалах..... 19
1.2. Критерии выделения тюркизмов и монголизмов
из состава тюрко-монгольской языковой общности 30
1.3. Роль контактов в образовании тюрко-монгольской языковой общности 36
1.4. О временной стратификации тюркского влияния на монгольские языки 40
1.5. О тюркском влиянии на развитие монгольских языков 41

ГЛАВА II О ТЮРКСКОМ ВЛИЯНИИ НА ЛЕКСИКУ ОТДЕЛЬНЫХ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

2.1. Тюркизмы общемонгольского характера..... 45
2.1.1. О тюркском происхождении комплекса
общемонгольской номадной лексики 54
2.1.2. О тюркском происхождении некоторых общемонгольских
шаманистических терминов 62
2.2. Ареальные тюркизмы в монгольских языках..... 65
2.3. Тюркизмы в бурятском языке 70
2.4. Тюркские лексические элементы в калмыцком языке 102
2.5. Тюркизмы в халха-монгольском языке 114
2.6. Тюркские элементы в языке «Сокровенного сказания монголов» 118
2.7. Об одной монгольско-тюркской корреспонденции в морфологии 123

ГЛАВА III МОНГОЛЬСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛЕКСИКУ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

3.1. Критерии выделения монголизмов из состава тюрко-монгольской
языковой общности 133
3.2. Монгольские заимствования в алтайском языке и его диалектах 137
3.3. Монгольские заимствования в хакасском языке и его диалектах 204
3.4. Монгольские лексические заимствования в языке сойотов Бурятии 254
3.5. Монгольские лексические заимствования в тюркских языках
Южной Сибири 289
3.6. Монгольские заимствования в казахском языке 295
3.7. Бурятизмы в якутском языке..... 316

ГЛАВА IV СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

4.1. К истории изучения словообразования в отечественной монголистике
и тюркологии 325

4.2. Аффиксальное словообразование имен существительных в монгольских и тюркских языках.....	331
4.3. Аффиксальное словообразование имен прилагательных в монгольских и тюркских языках	342
4.4. Имена числительные в монгольских и тюркских языках.....	351
4.5. Аффиксальное словообразование глаголов в монгольских языках в сравнении с тюркскими языками.....	360
4.6. О составных глаголах в монгольских и тюркских языках.....	373
4.7. Аффиксальное словообразование наречий в монгольских и тюркских языках.....	380
4.8. Местоимения в монгольских и тюркских языках.....	385

ГЛАВА V

ФОРМООБРАЗОВАНИЕ В МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

5.1. Категория числа в монгольских и тюркских языках	406
5.2. Категория залога в монгольских и тюркских языках.....	409
5.3. Из истории изучения неличных форм глагола в монгольских языках	410
5.4. О системе причастий в монгольских и тюркских языках	422
5.5. Деепричастия в монгольских и тюркских языках	442

ГЛАВА VI

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ В МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

6.1. Об особенностях категории склонения в монгольских и тюркских языках ...	445
6.2. О системе наклонений глагола в монгольских и тюркских языках	451

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	471
------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ	492
--------------------	-----

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	515
---------------------------	-----

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ.....	520
--------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛОВАРЬ ТЮРКСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ.....	523
---------------------------	-----

ОТ РЕДАКТОРА

Новая, к прискорбию, посмертно выходящая книга выдающегося советского и российского алтаиста, крупнейшего исследователя проблемы тюрко-монгольских контактов Валентина Ивановича Рассадина посвящена задаче подробного обоснования контактного происхождения всех достоверно сопоставляемых корневых, словообразовательных и словоизменительных морфем тюркских и монгольских языков. В частности, близкая лексика в тюркских и монгольских языках, относящаяся к особенностям образа жизни кочевого скотовода, обоснованно трактуется как следствие заимствования из тюркских языков в монгольские, сопряженного с влиянием этого самого тюркского образа жизни на монгольский. Книга продолжает и развивает положения целого ряда предшествующих публикаций автора. Многие его статьи вошли в текст монографии в дополненном и переработанном виде. То же относится к книгам последних десятилетий [*Рассадин* 2007; 2008; *Рассадин, Трофимова* 2012].

Читатель — специалист по тюркским и монгольским языкам — найдет в этой работе, во-первых, приближенную к полной подборку этимологических предложений по лексике и грамматике контактного происхождения; многие из них впервые выдвинуты В. И. Рассадиным и могли быть сделаны только таким блестящим знатоком (в том числе практически говорящим) нескольких монгольских и сибирско-тюркских языков, как он. Во-вторых, книга содержит описание правил адаптации и предположения о временной стратификации заимствований; во всяком случае, для монголизмов в сибирско-тюркских языках эта проблематика здесь надежно отработана. В-третьих, выводы о наличии и времени прохождения контактов сопровождаются адекватными историко-археологическими комментариями. Кроме того, В. И. Рассадин выдвинул совершенно неоспоримые методологические принципы анализа этимологического материала, согласно которым следует производить отнесение его к контактному либо генетически общему фонду.

Не все высказанные В. И. Рассадиным положения кажутся редактору абсолютно верными. В частности, скорее неверно высказывание, что существование тюрко-монгольской языковой общности «фактически и легло в основу гипотезы генетического родства так называемых алтайских языков: тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских» (с. 13). Во-первых, представление об алтайском родстве как родстве трех семей значительно устарело. Можно начать с работ Е. Д. Поливанова и Г. Рамстедта, в которых продемонстрирована возможность корейско-японского родства и принадлежности этой гипотетической семьи к алтайской

общности; алтайские отношения японского и корейского достаточно убедительно показаны Р. Миллером и С. Мартином и доказаны на обширном материале С. А. Старостиным и продолжившей его исследования в этой области М. Роббеетс. Во-вторых, заключение о том, что представления об алтайском родстве базируются прежде всего на тюрко-монгольских сходствах, ошибочно, хотя и весьма распространено среди антиалтаистов. В вышедшей в 2003 г. под редакцией Ю. Янхунена коллективной монографии «The Mongolic Languages», в разделе «Turco-Mongolic relations» К. Шёниг пишет: «In the general context of comparative Altaic linguistics, the Turco-Mongolic relations are of crucial importance. Not only was the Altaic hypothesis originally based mainly on the Turco-Mongolic comparative corpus, but also the potential disqualification of the genetic framework depends on how this corpus is interpreted». Но это неверно. В сущности, на тюрко-монгольском корпусе сближений основана прежде всего сравнительная грамматика Н. Н. Поппе [Poppe 1960], которая явилась упрощением и в некотором роде шагом назад по сравнению с «Введением в алтайское языкознание» Г. Рамстедта [Ramstedt 1957; Рамстедт 1957]. Вот данные по соотношению между «алтайскими» сближениями чисто тюрко-монгольскими и любого другого состава в морфологической части труда Г. Рамстедта: среди падежных флексий — 1 тюрко-монгольская, 8 иных; среди формантов мн. ч. — 1 тюрко-монгольский, 3 иных; среди числительных — 2 тюрко-монгольских, 3 иных; среди местоимений — 0 тюрко-монгольских, 7 иных; среди формантов глагольного словоизменения — 4 тюрко-монгольских, 19 иных; глагольного словообразования — 1 тюрко-монгольский, 9 иных. Примерно так же, только, конечно, с меньшей долей сопоставлений, проходящих по всем четырем (у Рамстедта состав алтайской семьи — тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и корейский языки, еще без японского) сравниваемым семьям, устроена и вводимая им в сравнение лексика. Действительно, сопоставления Поппе — прежде всего тюрко-монгольские и затем тунгусо-монгольские (по указателю Стрита [Street 1974] — 250 тюрко-монгольских этимологий при 154 сопоставлениях в трех семьях, 110 тунгусо-монгольских, 36 тюрко-тунгусо-маньчжурских; корейский у Поппе не рассматривается); причем, поскольку ученый использовал в первую очередь эвенкийскую и маньчжурскую лексику, переполненную относительно новыми монголизмами, а важный источник для установления пратунгусо-маньчжурского характера слова [Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков 1975–1977] был для него еще недоступен, здесь в сравнение попали по большей части заимствования. Парадоксальным образом, основная антиалтайская критическая литература (которая пытается отри-

цать сам факт родства между этими языками) появляется после выхода работы Поппе, критикует сближения Поппе, не удостоивая внимания, например, корпус сближений, предложенных В.М. Иллич-Свитычем [Иллич-Свитыч 1963; 1965] или В.И. Цинциус (особенно [Цинциус 1974]). Между тем именно в этих и последующих работах устанавливается нетривиальная система консонантных соответствий между тремя «материковыми» алтайскими семьями, приводящая к реконструкции тройного противопоставления взрывных по ларингальным признакам; полученные соответствия оказались, во-первых, настолько сложными и, во-вторых, позволили настолько увеличить корпус этимологических сближений, что объяснение всего этого через многоэтапные заимствования выглядит неоправданным размножением сущностей и должно быть элиминировано просто применением бритвы Оккама.

Заслуживают нескольких замечаний использованные автором источники. При работе по выяснению направления и времени контактов абсолютно необходимо выявлять представленность потенциального заимствования в обеих сравниваемых группах языков — это может быть существенно для решения вопроса по каждому слову. В.И. Рассадин принципиально использует только «основные монгольские языки» — фактически это только северно-монгольская группа, халха, бурятский, калмыцкий, ордосский; материал по другим северно-монгольским языкам и диалектам Внутренней Монголии, прежде всего по чахарскому и ойратскому языку Синьцзяна берется спорадически (хотя имеется объемный словарь [Тодаева 2001]). Не попали в данное исследование формы могольского и южно-монгольских языков, среди них монгурского и дагурского, лексика которых тоже, в общем, прилично зафиксирована. Действительно, монголисты обычно пренебрегают их данными, поскольку считается, что это пиджинизированные китайским языки, «не сохранившие исконно монгольских особенностей». Однако исконно-монгольскую лексику они в части случаев сохранили, она легко отделяется от китайских заимствований, а поскольку это ветви монгольских языков, отделившиеся от общемонгольского состояния раньше, чем разошлись между собой северно-монгольские языки, то наличие в них рефлексов рассматриваемых лексем может быть для интересующих нас вопросов весьма существенным. Когда В.И. Рассадин пишет о прамонгольском происхождении (заимствовании в прамонгольский) или общемонгольском распространении какого-либо явления, то следует учитывать, что обычно фактически это прасеверномонгольское происхождение. Южномонгольскую представленность явления можно проверить по книге [Nugteren 2011]; есть случаи, когда для предполагаемо

общемонгольского слова действительно отсутствуют южномонгольские свидетельства.

Примерно то же можно заметить в отношении использованного исторического материала. Письменно-монгольский по большим словарям [*Lessing* 1960; *Ковалевский* 1841–1849; *Голстунский* 1938] достаточно бездоказателен в отношении древности рассматриваемых слов, поскольку это сводные словари (словарь Лессинга к тому же в действительности — словарь халха с письменно-монгольскими написаниями, принятыми в халхасском изводе старомонгольского). Данные же среднемонгольских и так называемых преклассических письменно-монгольских памятников работа учитывает спорадически (в настоящее время достаточно удобным источником по последним является книга [*Tumurtogoo* 2006]).

К сожалению, В. И. Рассадин не успел учесть в своем труде ряд этимологических работ, занимавшихся проблематикой тюрко-монгольских контактов, в том числе антиалтаистической направленности. В первую очередь это [*Doerfer* 1963; 19654; 1975; 1985; *Clark* 1977, 1980; *Nugteren* 2011; *Rozycki* 1994; *Rybatzki* 2003]. Не использованы и контактные гипотезы, выдвинутые в [*Starostin et al.* 2005]. В части случаев в этих работах более подробно, чем в настоящем труде, обосновано направление заимствований, не всегда совпадающее с постулируемым здесь.

Несомненно, неполное использование материала связано не в последнюю очередь с тем, что последние годы Валентин Иванович вел буквально подвижническую жизнь, не прекращая исследований, несмотря на множество изнурительных болезней, в том числе постоянно ухудшающееся зрение, что не позволяло ему тщательно редактировать свои труды и читать новые работы коллег. Заинтересованный читатель может воспользоваться упомянутыми выше дополнительными источниками, чтобы составить собственное мнение о полноте обоснования выводов В. И. Рассадина и о вкладе генетического и ареального факторов в происхождение и современное состояние тюрко-монгольской общности и алтайской семьи в целом.

Несколько слов об особенностях графики, употребляемой в книге при записи примеров. В. И. Рассадин регулярно употребляет для записи палатального глайда (в МФА [j]) *j* в латинографическом изображении тюркских примеров и *y* в латинографическом изображении монгольских примеров; *j* в латинской записи монгольских примеров обозначает палатальную звонкую аффрикату [ʃ]. Кириллическое изображение тюркских и монгольских примеров приводится в соответствии с орфографией; *j* в орфографии алтайского языка обозначает палатальный

взрывной [ʃ]. В латинской записи примеров из алтайских диалектов и литературного языка мы, чтобы избежать неоднозначности, поставили обозначение глухого (сильного) и звонкого (слабого) палатального взрывного соответственно как *ś* и *đ*. В латинской транскрипции, созданной В. И. Рассадиным для тофаларского языка, этим сущностям отвечают палатальные аффрикаты, сильная *ħś* и слабая *ħđ*.

А. В. Дыбо
12 апреля 2020

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа посвящена одной из важнейших проблем алтаистики, актуальной и в наши дни, — проблеме сложения и истории развития тюрко-монгольской языковой общности, реальное существование которой фактически и легло в основу гипотезы генетического родства так называемых алтайских языков: тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских. Огромное количество лексических и морфологических элементов, общих для тюркских и монгольских языков (В. Л. Котвич [*Котвич* 1962, с. 351] говорит, кстати, о наличии приблизительно 25 % общих лексических и 50 % общих морфологических тюрко-монгольских элементов, в тунгусо-маньчжурских же языках лексических элементов, общих с монгольскими и тюркскими, не более 10 %, морфологических — около 5 %), выявленных усилиями нескольких поколений алтаистов, привело к предположению о том, что эти элементы являются якобы наследием того тюрко-монгольского праязыка, который существовал некогда в течение длительного времени после распада алтайской языковой общности, и что установленная ныне так называемая тюрко-монгольская языковая общность представляет собой остатки этого тюрко-монгольского праязыка.

Долгое время компаративисты занимались в основном выявлением фонетических, лексических и морфологических элементов, общих для тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, а впоследствии главным образом тюркских и монгольских, с целью найти убедительные доказательства генетического родства этих языков. Любые выявленные звуковые совпадения, выведенные схемы фонетических и фонологических соответствий, установленные лексические и грамматические параллели объявлялись следствием генетического родства этих языков. Основываясь на установленных совпадениях, определялся звуковой и грамматический строй, лексический состав гипотетического алтайского праязыка, в существование которого ортодоксальные алтаисты глубоко верили вслед за Г. И. Рамstedтом. В. Л. Котвич же, тщательно изучив проблему и накопленные в алтаистике фактические материалы по выявленным сходствам, пришел к выводу, что установленные сходные параллели являются во многом результатом разнообразных контактов и взаимодействий тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Многие компаративисты стали разделять убеждения В. Л. Котвича. В алтаистике возникло и стало развиваться движение антиалтаистов. К концу XX в. в недрах алтаистики возникло два течения: ортодоксальных алтаистов и антиалтаистов.

Занимаясь вот уже в течение полувека, с 1957 г., со студенческих лет и поныне различными проблемами тюрко-монгольского языкознания, выявляя тюркские заимствования в монгольских языках, а монгольские в тюркских, сравнивая между собой звуковой и грамматический строй тюркских и монгольских языков, обращая внимание также и на значительные, имеющие принципиальный характер различия в строе этих языков, мы стали склоняться к мнению о том, что В. Л. Котвич прав. Занимаясь изучением современных монгольских языков и их диалектов, старомонгольским и ойратским письменными языками, средневековым монгольским языком, мы все больше и больше убеждались, насколько глубоко пропитаны монгольские языки тюркским влиянием на всех языковых уровнях, насколько широко представлены в монгольских языках тюркские лексические и грамматические элементы. При этом мы видели, что тюркизмы в монгольских языках, а монголизмы в тюркских не являются элементами гипотетического тюрко-монгольского, а тем более мифического алтайского праязыка, но представляют собой словоформы явно тюркского происхождения в монгольских языках и явно монгольские по происхождению в тюркских. Причем нами установлено, что это не абстрактные безликие «тюркизмы» и «монголизмы», а заимствования из конкретных определенных тюркских языков в определенные монгольские языки и их ареалы и, соответственно, в определенные тюркские языки и их ареалы из определенных монгольских языков. Нам хотелось бы разобраться с историей тюрко-монгольских взаимоотношений и направлением заимствований, их конкретизацией. Применяя выработанные нами критерии, мы рассмотрели всю выявленную массу тюрко-монгольских общих элементов и пришли к выводу, что установленная тюрко-монгольская языковая общность неоднородна по своему составу и структуре. Большую часть этих общих элементов представляют собой разновременные тюркские заимствования в монгольских языках. Выявляется при этом принадлежность тюркских заимствований к разным тюркским языковым ареалам. Аналогично и монголизмы при этом по-разному представлены в разных тюркских языках и их ареалах, составляя отдельную самостоятельную группу общих тюрко-монгольских языковых элементов. Третья часть — это подлинно тюрко-монгольские общие элементы неизвестного происхождения, требующие специального анализа. Возможно, что именно эти элементы и представляют собой остатки общеалтайского праязыка, если допустить реальность существования такового.

В первой главе анализируется тюркское влияние на лексику монгольских языков. При этом в данной главе не преследуется цель описать

все тюркские лексические элементы, выявленные в монгольских языках, и дать их исчерпывающий перечень. Здесь мы ставим перед собой более скромную цель: показать неоднородный сложный состав монгольских тюркизмов и их самостоятельное бытование в разных монгольских языках и их диалектах. Проблема изучения монгольских тюркизмов в таком аспекте еще не ставилась.

Данная глава выполнена на основе идей, выношенных нами в течение многих десятилетий в процессе наших самостоятельных поисков выхода из сложившегося теоретического и методологического тупика, в который зашла алтаистика, и на базе материала из монгольских и тюркских языков, который был выбран нами не только из опубликованных лексикографических, лексикологических, диалектологических, этимологических и иных источников, но и взят из наших полевых диалектологических записей, произведенных нами во время экспедиций в места расселения носителей монгольских и тюркских языков и их диалектов. Учтены были также и исследования предшественников.

При подборе материалов, легших в основу данного сравнительно-исторического анализа на предмет выявления тюркских лексических заимствованных элементов в монгольских языках, нами учитывался по возможности исконный характер тюркской лексики. Мы старались не привлекать слова явно китайского, санскритского, персидского, арабского и иного происхождения, рано попавшие в древние тюркские языки, а через них — в монгольские.

Учитывая то обстоятельство, что старая монгольская лексика наиболее полно представлена в словарях старописьменного монгольского языка, а современная — в словарях халха-монгольского, бурятского, калмыцкого, имеющих письменность и литературные формы, для исследования истории тюркского влияния на монгольские языки были привлечены материалы именно из этих монгольских языков как наиболее репрезентативные.

Монография разделена на шесть глав. В первой главе рассмотрены общие проблемы истории тюрко-монгольских языковых связей. Здесь содержатся разделы, освещающие процессы формирования монгольских этносов, обусловившие их разнообразные контакты и взаимодействие с тюркскими этническими группами, определяющие временную стратификацию и роль контактов в образовании тюрко-монгольской языковой общности; дан раздел, представляющий критерии, позволяющие различать тюркизмы и монголизмы среди общей тюрко-монгольской лексики.

Вторая глава посвящена исследованию тюркского влияния на словарный состав отдельных конкретных монгольских языков и их диалектов.

Здесь выделены разделы, в которых отдельно рассмотрены тюркские заимствования общемонгольского и ареального характера, а также тюркизмы в бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках, специфичные для них и их диалектов, а также тюркизмы, встреченные лишь в средневековом монгольязычном письменном памятнике «Сокровенное сказание монголов», датированном 1240 г. Кроме того, сделана попытка подробно рассмотреть тюркское влияние на лексику двух конкретных общемонгольских тематических пластов — шаманистических терминов и терминов номадного скотоводства.

Монгольскому влиянию на лексику тюркских языков будет посвящена третья глава данной монографии.

Исследование лексики алтайских языков в сравнительно-историческом аспекте имеет большое научное значение, и его необходимо расширять с тем, чтобы, выявив заимствования, более четко определить пласт собственно алтайской общей лексики. Эту мысль в свое время высказывал Г. Д. Санжеев: «По нашему мнению, дальнейшее продвижение вперед сравнительно-исторической алтаистики возможно лишь в случае, если известные достижения первых ее опытов в области фонетики и отчасти морфологии будут дополнены исследованиями, во-первых, по исторической грамматике и диалектологии отдельных алтайских языков и, во-вторых, по лексикологии и этимологии. Особенно были бы важными для алтаистики также сравнительно-исторические и этимологические изыскания, в результате которых оказалось бы вполне возможным ясно определить, что же представляют собой алтайские языки в лексическом отношении, что же в их лексике относится к исконному общеалтайскому достоянию, т.е. восходит к словарному составу предполагаемого алтайского праязыка, и что же из лексически их ныне объединяющего необходимо признать ранними или позднейшими заимствованиями как из одних алтайских в другие, так и из прочих, неалтайских языков в Евразии» [Санжеев 1958, с. 26].

Последующие главы данной монографии посвящены выявлению соотношения исконных монгольских и заимствованных тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности для попытки окончательного установления реальности существования в прошлом тюрко-монгольского праязыка. Как известно, алтаистика как научная гипотеза о предполагаемом родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков в качестве отдельного самостоятельного направления сравнительно-исторических исследований зародилась в начале XVIII в. Первые алтаисты были ограничены фактическим материалом, поскольку в их распоряжении находились главным обра-

зом старописьменный монгольский язык, из тюркских языков — чагатайский, из тунгусо-маньчжурских — маньчжурский. Сравнивая эти материалы, ученые приходили к выводу о большей близости монгольских и тюркских языков, опираясь в основном на лексическую близость, возникла гипотеза о тюрко-монгольском праязыке. В. Л. Котвич подсчитал, что между тюркскими и монгольскими языками совпадают примерно 25% лексики и около 50% грамматических элементов. В последние годы сформировалась другая точка зрения, отрицающая генетическое родство алтайских языков и относящая многочисленные общие элементы к разновременным заимствованиям.

Таким образом, бытует два подхода к тюрко-монгольским общим элементам: ортодоксальные алтаисты любой общий элемент, будь то в лексике или в грамматике, считают наследием общего праязыка, антиалтаисты относят общие элементы к заимствованиям как следствию разнообразных контактов. Спорный, неоднозначный характер взглядов на сложившуюся тюрко-монгольскую лингвистическую общность очевиден. Следует отметить, что представители разных точек зрения оперировали главным образом лексическим и фонетическим материалом, оставляя в стороне грамматику, которая до сих пор представляет собой наименее изученную область. Выявленные В. Л. Котвичем 50% общих тюрко-монгольских морфологических элементов при ближайшем рассмотрении оказываются главным образом в большинстве своем словообразовательными моделями в тюркских заимствованных словах, меньше всего их оказывается в области словоизменения и формообразования. При этом до конца не выяснен статус этих общих грамматических элементов, а именно: являются ли они восходящими к алтайскому праязыку или это все-таки заимствование? Чтобы окончательно определить подлинный характер всех этих выявленных общих грамматических тюрко-монгольских элементов, установить реальное соотношение исконных и заимствованных грамматических элементов в составе тюрко-монгольской лингвистической общности, необходимо выполнить специальное исследование в аспекте словоизменения, формообразования и словообразования, привлекая для этой цели не только классические старомонгольский и чагатайский языки, но наряду с ними современные монгольские и тюркские литературные языки и их диалекты, а также выявленные памятники этих языков, относящиеся к разным эпохам. В этой связи выполнение данного исследования позволит получить новый материал, опираясь на который будет возможным установить, существовал ли в реальности тюрко-монгольский праязык или все же современный монгольский язык является по своему происхождению

гибридным языком с большим количеством тюркских заимствованных элементов, не только лексических, но и грамматических. Все это предопределяет высокую актуальность и большую научную значимость данного исследования.

Мы ставим в настоящем труде следующие задачи. Путем тотального сравнения тюркских и монгольских морфологических элементов по всем частям речи в аспекте словоизменения, формообразования и словообразования установить наличие общих и разностных элементов. Проведя сравнительно-исторический и необходимый этимологический анализ выявленных общих морфологических элементов, определить соотношение этих элементов со специфическими чертами в области грамматики как тюркских, так и монгольских языков. При этом оценить глубину и широту проникновения заимствованных грамматических элементов и их соотношение с исконными элементами. Решение этих задач явится той научной базой, опираясь на которую в последующем, станет возможным установление реальности существования в прошлом тюрко-монгольского праязыка в рамках алтайской языковой общности.